

12+

Игнатов Н. А.
Случай с Григорием Антоновичем

Рассказ

Николай Александрович Игнатов

Случай с Григорием Антоновичем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41813994

SelfPub; 2019

Аннотация

Обычный человек может легко оказаться не таким уж обычным. И не таким уж человеком...

Григорий Антонович Жданов начал лысеть давно, когда ему еще не было и тридцати. Гены сказались, а может экология, точно неизвестно. Сейчас, в его сорок четыре, он был совсем плешив, и только седоватой, почти ровной окантовкой, редели по бокам черепа остатки былой шевелюры. За многие годы у него даже выработалась чуть обезьянья привычка тереть ладонью плешь во время сильного волнения. Было даже похоже, что он в такие моменты старательно полирует и без того блестящую до бликов свою макушку. Сегодня, не смотря на вечер пятницы, сидел Григорий Антонович на кухне, над рабочими бумагами и тер лысину. А все оттого, что получил днем на работе втык от начальника (и, получил-то по делу) за очевидные ошибки в расчете последнего заказа товара на склад.

Работа логиста – ответственное дело, тут ошибаться никак нельзя, тем паче, когда заявку составляешь аж на неделю торговли! Многомиллионные обороты с прямых продаж, прибыль, контроль рынка и прочее, важность всего этого он прекрасно осознавал. Тут ведь и формулы расчета заказа тебе в помощь, и статистика, и сезонные факторы, и еще разные, отдающие болотной гнильцой, хитрости науки товародвижения и продаж. А он возьми да накосячь! Ну циферка, сволочь закорючная, сползла куда-то, ну не заметил он! Но ведь такое впервые (почти), такое ж ведь более никогда...

Но начальник Григория Антоновича, Севастьян Кирилло-

вич, не хотел на этот раз слушать оправданий. «Вот ведь сопляк-то еще! – в сердцах ругался на руководителя горе-логист. – Лет на пятнадцать меня моложе, а как распинает! Что я ему, пацан какой-то?! Да я в торговле работал, когда он еще прыщи в школе давил». Севастьян Кириллович, который действительно был много моложе Григория Антоновича, как раз тогда уловил на лице отчитываемого следы внутреннего протеста, и даже, прервав монолог, предложил ему слово. Но, как следовало ожидать, Григорий Антонович только чуть покраснел и, потеряв мокрой ладонью лысину, кротко отказался говорить. Он почему-то поймал себя на мысли, что начальник заметил в нём тень раздумий именно о давлении прыщей в школе. «Почему в школе?! – корил он себя. – Дома же их все давили».

Если коротко, то кончилась экзекуция штрафом среднего размера, предупреждением – мол, в следующий раз будете искать новую работу, любезный, а также домашним заданием на выходные – подготовиться к внеочередной аттестации по профилю. Что и говорить – товара по заказу логиста Жданова Г.А. привезли во множестве именно в тех позициях, которыми и без того был забит склад торговой компании, а того, что вот-вот закончится, и который ждут не дождутся клиенты, не привезли почти вовсе. Такого позора, Григорий Антонович не испытывал давно. Впрочем, позор этот был больше показательным, сам промеж себя не очень-то он и досадовал, более обижаясь на укор «самодурствующего сопляка».

Посмотрев на безучастно тикающие часы на стене, Григорий Антонович вздохнул, перевёл взгляд на бутылку с бренди, скучавшую на краю стола, и отодвинул в сторону противные бумаги с формулами. «К чертям собачим, баста! – гремел внутренний бунтарский голос в голове его. – Еще два выходных впереди, успеется! Да и что я, в самом деле, аттестацию не пройду по своим прямым обязанностям, которые уже лет двадцать как исполняю?! Пройду, конечно. Эх, вот раньше было время, раньше б какая тебе нафиг аттестация! Проще как-то было. И люди проще были, сейчас вот умные больно стали. К черту!».

Улыбнувшись своей уверенности, он зловеще потер было руки над бутылкой, и вдруг прислушался. Кажется, жена проснулась, или дочь. Кто-то топал в дальней комнате, вроде как. Нет, слава Богу, показалось. Ну-с, можно и грамм сто пропустить, пятница ж, однако. Григорий Антонович с наслаждением намахнул рюмочку и занюхал долькой лимона. Умиротворение начало овладевать им, тепло нежными волнами расходилось по всем его членам. Как, все-таки, прекрасна жизнь! До чего ж мелочны, до чего ж ничтожны все эти вопросы злобы дня, рабочие будни, какие-то бытовые склоки и прочая дребедень, сутолока, брэнность. Да и сам начальник, Севастьян этот Кириллович, пацанишко, тоже – мелочь ведь! А жизнь, она ведь, она... Нить мысли, что возникла от внезапной кратковременной эйфории в гудящей голове Григория Антоновича, вдруг стала столь ослепительно

яркой, что даже лопнула. И через мгновение он уже не помнил, о чем думал, и чему только что умилялся. Только эхом отзывалось в глубинах души его размытое чувство нелепой и глупой радости чему-то большому и светлому.

После второй рюмки Григорий Антонович начал набираться храбрости. Он решил – во что бы это ни стало он пойдет на балкон и выкурит сигарету. Решимость его твердела с каждой секундой, а смелость в этой авантюре и вправду была нужна большая. Сердце у Григория Антоновича не на шутку пошаливало последние лет десять, так что не один раз уже за это время лежал он по этой причине в больнице. К тому же проклятое давление постоянно норовит подскочить, так что и пить-то ему вообще-то нельзя. Но кто ж из тех, кому нельзя, не выпьет, когда очень хочется. Правильно – мало кто. Курить же Григорию Антоновичу строго настрого запретил кардиолог сразу же после первого пребывания в больнице. Собственно, тогда так ему стало страшно, что он сразу же и бросил, но все-таки, очень редко, позволял себе выкурить одну-две. Естественно в полнейшей тайне ото всех, особенно от жены, Анастасии Юрьевны, Настеньки, а уж она в этом отношении была сама строгость. Григорий Антонович поставил бутылку в шкаф, сполоснул и насухо вытер рюмку, и походкой ночного воришки стал красться на балкон, выход на который, к счастью, находился в ближней от кухни комнате. Пачка сигарет лежала в записке, в болотном сапоге, лет уже не менее двух.

Майское ночное небо изо всех сил старалось чернеть, но множество ярких и не очень звезд, да еще и месяц, колдун, играючи сводили на нет эти старания. Григорий Антонович, краем глаза скользнув по краю этого волшебства, почему-то вновь загрустил, и стал думать о работе.

Как бы ни было это удивительно и нелогично, но так часто бывает с человеком: прожил он достаточно лет разной степени паршивости, а может наоборот – лет прекрасных, и столько всего важного, значительного в его жизни случилось, что не опишешь; тут и его детские радости вперемешку с печальями, взросление, душевные боли, пубертатные переживания, осмысление мира и своего в нем места, и встреча истинной любви, и рождение детей... жизнь, как она есть, словом; а он, человек этот, возьми да начни вдруг думать о какой-нибудь аттестации или прочем вздоре, и думы эти так возвеличиваются в нем, до такой степени его всего занимают, что всё прочее, истинно важное, выбрасывают к чертям собачьим из головы, а сами там остаются царями.

Вот и с нашим Григорием Антоновичем именно так сейчас было, когда он, боязливо прислушиваясь – не проснулась ли Настенька или дочь, Катюшка, прикуривал сигарету. Ещё вчера вечером, да и сегодня утром всего его занимали важные, сплошь нужные мысли. Он придумывал, как бы удивить Катюшку на день рождения, который будет у нее совсем скоро; что подарить – неужели всё-таки новый смартфон?! Не рано ли?! У неё и старый вроде ещё пашет, да и дорогова-

то для десяти лет-то... Хотя, сейчас дети в школе все такие модные, у многих дорогие телефоны, что же она хуже других?! Опять же – звать ли всех этих родственников, или так, в узком кругу, да только пусть подружек своих пригласит?! Размышления о дне рождения дочери упирались постоянно в мысленный тупик, где как бы стояла кирпичная стена, на которой висела табличка: «Гриша, без Насти ты всё равно ничего здесь не решишь!».

А сколько месяцев они с Геннадьичем, старинным другом, ждали рыбалку! Да всю зиму. Ждали, когда растает чёртов снег, станет тепло, и можно уже будет подёргать карасей на удочку. Дождались ведь, собирались завтра с утра. Теперь куда уж! И пусть уж теперь эта треклятая заводь на озере манит, хоть заманится пусть своей предрассветной гладью, под которой ждут сотни и тысячи голодных рыб! Нет, можно конечно было и съездить, и к этой аттестации успеть подготовиться, время позволяет, только вот настроения теперь никакого.

«Да и холодно будет наверняка, с утра-то, – вспомнив о рыбалке, думал Григорий Антонович, – к черту! Успеем ещё порыбалить, май только начался. А с работой шутить никак нельзя. Аттестация – вот что важно сейчас, чтоб этого Севастьяна Кирилловича...»

Не успев додумать, что именно поджидало начальника, Григорий Антонович вдруг дёрнулся телом, закусил губу, чтоб не вскрикнуть, и сильно затряс рукой. Оказалось, что

он, весь погрузившись в свои невеселые размышления о работе и о том, как порой она мешает жить, вот уже минут пять как тупо глазел на звёздное, гипнотическое небо. Про сигарету он забыл, она вся истлела и обожгла ему палец. Покурить с первого раза ему толком не удалось, и он, снова воровато прислушиваясь, закурил вторую палочку смерти.

Сильно затянувшись, аж до покалывания в груди (всё-таки сердце-то пошаливает), Григорий Антонович снова задрал голову к испещренному древними искрами потолку планеты. Луна была сегодня яркой, почти полной, но свет звезд почти не заглушала.

Звёзды. Что в них? Он уже лет двадцать старается вовсе не смотреть на эти точки, и не замечать, что они есть, но получается это не всегда. Как магнитом его взгляд притягивается к чертовым огонькам наверху, и впадает тогда Григорий Антонович в оцепенение. Может простоять так пока шея не занеет, или пока кто-нибудь не хлопнет по спине – живой, мол, Гриша?

Он выпустил изо рта клуб табачного дыма и даже попытался пустить кольцо, прицелившись прямо на сиявший безмятежной древностью бледный диск луны. Кольца из дыма у него почти никогда не получались – стажу маловато, а в этот раз, глядите-ка, кольцо удалось. Да ещё какое! Ровное, большое, полетело оно прямо к светилу, разрастаясь, становясь плотнее. Григорий Антонович удивился кольцу, и подметил, глядя сквозь него, что было сейчас очень похоже, как если б

он смотрел в ночное небо со дна колодца и видел бы только одну жирную яркую Гекатову личину.

Так и оказалось. Он чуть не вскрикнул от испуга, вовремя вспомнив про своих, спящих в доме, когда обнаружил себя не мирно курящим на балконе, а сидящим на дне неглубокого, но узкого колодца. Сверху, заполнив почти весь колодезный диаметр, глядела с укором на Григория Антоновича луна. Больное сердце его внезапно дало о себе знать, видимо выкурил-то многовато, а ему и совсем ведь нельзя. Заколело слева в груди несильно, но протяжно. Григорий Антонович зажмурился и наклонил голову, успев заметить зеленоватую слизь на стенках. Дыхание его участилось, а на горячем лбу выступили крупные капли. «Вот и галлюцинации пошли, – панически вздыбливались мысли в пульсирующем мозгу. – Вот тебе и сердечный приступ! Хана, Гриша! Говорили же – не кури, дубина, не пей! Нельзя тебе!».

Чудилось ему, что и не луну это он видит из колодца, а тот самый свет в конце тоннеля, о котором так много болтают. «Помираю... эх, Настенька рассердится» – пронеслось в голове перед тем, как боль вдруг прошла. Свет луны во все не собирался становиться предтечей панихиды и горестных лиц родственников, друзей (Геннадьича, собственно) и сослуживцев «ушедшего в расцвете сил» – как сказали бы о нем, Григория Антоновича. Бледный диск просто начал тускнеть и обретать черты лица. И лица, сказать по правде, до боли знакомого. Большой горбатый нос, тусклые, выдав-

шие всякое, глаза, толстая нижняя губа, вечно в не по возрасту яркой помаде, морщины, морщины, опять морщины, и пуделевые неопрятные седые кудряшки. Точно, Ильинична! Это бухгалтерша с работы, довольно вредная пожилая женщина, у которой всегда плохо пахло изо рта, и которая постоянно гнусаво бормочет себе под нос, когда водит ногтем по цифрам в ведомостях. Ильинична... Но как? И какого хрена?

Лицо её было прикрыто капюшоном темного цвета. Она стояла в каком-то черном (уж не кожаном ли?!) плаще на балконе рядом с обомлевшим Григорием Антоновичем и глядела в небо.

– Давно скучаешь по ним? – спросила она.

Григорий Антонович так вздрогнул, что пепел слетел с сигареты. Седоватая окантовка на его голове буквально зашевелилась, до того ему стало жутко. Голос был явно не Ильиничны, да и не она это была, разве похожа немного. Григорий Антонович почувствовал, что дрожит. В его оцепеневшем мозгу быстренько проносились панические мысли, вроде: «...сбежать! Грабители! Мне бы хоть нож какой... Чем же я?! Как же? А если б и нож был, чего бы я?! Ничего...».

Справа, где обозначилась внезапная фигура, повеяло теплом, и на душе его стало чуть спокойнее. Григорий Антонович закрыл глаза и досчитал до пяти, в надежде, что видение исчезнет. Открыв их снова, он чуть не вскрикнул – теперь справа от него располагался силуэт из чистого пламени.

Сердце несчастного логиста снова ушло в пятки, он опять сильно зажмурился на несколько секунд. Мысль о пришедшей смерти вновь лихо пронеслась в голове, запряженная в карету, в которой восседали все его скудные представления о вестниках гибели, демонах и прочей мистической нечисти, что так или иначе имеет отношение к трагическому концу. Эхом за каретой пролетело даже невесть откуда когда-то почерпнутое «Азраил».

Открыв глаза, Григорий Антонович обнаружил, что фигура по-прежнему стояла рядом, только теперь никаким пламенем она объята не была, а облачена была банально в длинный плащ, и с Ильиничной действительно сходства теперь имела ничтожно мало. Страх куда-то улетучился, дрожь прошла, сердце больше не ныло. Григорий Антонович окончательно уверился, что умирает, и это придавало ему твёрдости в возможном диалоге с таинственным посланником по его душу.

Кольцо дыма, пущенное им в луну, так и висело в воздухе; всё застыло вокруг, и само время остановилось. Наверное – чтобы не мешать Грише спокойно помереть.

– Давно скучаешь по ним? – спросила фигура как будто в первый раз.

– Да всю жизнь. Покоя не дают, проклятые. Как засмотришься, так и глаз отвести не можно, – отвечал Григорий Антонович спокойным голосом, снова поднимая голову.

Он провалился в мягкую липкую тьму, и ему казалось,

что он просто сейчас видит сон, в котором на балконе старенькой сталинки беседуют две пылающие огнём фигуры. И беседа эта происходит без посредства слов, фигуры просто чуть касаются друг друга тонкими протуберанцами. Однако Григорий Антонович слова, всё же, слышал.

– Ты узнал меня, Мьорр?

– Узнал. Ты – Кдахна, командир четвертого отряда Воителей Гнева. Постой, как ты назвала меня? Мьорр? Как давно я позабыл это имя...

– Немудрено, Могучий. Новая жизнь, новый мир...

– Расскажи, что произошло. Ничего почти не помню с последней битвы на том спутнике... на Галосе. Почему я здесь? И где это мы?

Фигура почему-то не спешила отвечать на вопрос Григория Антоновича, который, как выяснилось, был по совместительству еще и неким Мьорром. На него будто силилось снизойти благодатное озарение, отвергая все тревоги его жизни, все вопросы и нелепые мысли.

«Значит, не умер, всё-таки», – подумал он и повернул голову к Кдахне. Она отвела взгляд от неба и тоже посмотрела на Мьорра. Всё стало на свои места. Кдахна Разящая явилась к старому товарищу по оружию и остановила течение времени. Точнее, она извлекла из этого течения их обоих, чтобы спокойно побеседовать.

Фигуры лобызали друг друга тонкими, длинными языками пламени, делясь воспоминаниями.

– В битве на Галосе мы одержали победу, – ответила-таки Кдахна, – рассеяв в пыль всех до единого Ангелов Тишины. Но потом нас предали, все Воители Гнева оказались в плену.

– Как это возможно?! Немыслимо. Кто предал?

– Вождь Сагутарх.

– Мерзавец! Гниль нашего рода! – глаза Григория Антоновича пылали яростью, а лысина его, казалось, исходила дымом.

– Это малые выражения, слабые, чтоб описать его сущность.

– Нет, Кдахна... Если б я столь долго не знал тебя, не поверил бы! Но ты... зачем тебе лгать?! Сагутарх... Скажи, как же он мог?!

«Вот дела... Так вот оно всё это откуда! А я же знал – неспроста всё это!» – размышлял Григорий Антонович на дне своего колодца, слушая беседу Мьорра и Кдахны, что происходила где-то наверху. Со дна он видел только гостью в черном, но там, под самым верхом колодца был кто-то еще, кто видел ее ближе и лучше. Раз на раз не приходилось – порой поглядит он вниз и узрит, что тот второй, Мьорр, сам сидит на дне, а он, Григорий то есть Антонович, пылающий огнем, стоит на своем балконе и беседует с огненной Ильичной.

Волнение стало усиливаться, грозя перейти в настоящее расстройство. И дело было даже не столько в том, какое потрясение произвела на нашего логиста весть о том, что

непобедимых Воителей Гнева предал их собственный командир, Верховный вождь, оплот чести и величия, а в том, скорее, как сильно накурено на балконе. «Это ж ужас, – принюхиваясь, думал Григорий Антонович, – сейчас Настенька проснётся, учует ведь, вот мне влетит!».

Голос Кдахны казался тягучим, неровным и низким. Сам себе удивляясь, Григорий Антонович понимал всё, о чём она вела речь, вспоминая невероятные вещи из чего-то далёкого и невозможного. Он вспоминал и свои сны, что с детства не давали толком выспаться. Сны о другой жизни. Он каждый раз забывал детали грёз по пробуждении, зная только в общих чертах, что снилась какая-то немыслимая ерунда. А теперь всё вспомнилось сразу, в деталях. И оказалось, что вовсе это были не сны, а воспоминания. Оказалось, что он прекрасно помнил Тысячелетнюю войну, да так, как если бы сам в ней участвовал. Непрерывающийся много поколений конфликт между его расой – Сиянием Звёздной пыли и извечным врагом – Радужным Ковчегом.

Сияние – вспоминал Гриша-Мьорр – союз свободных племен, раскинувшийся на множество звёздных систем; Ковчег – агрессивная раса биомеханических симбионтов, жаждущая отнять у Сияния все миры и поработить всех их жителей. Песня, в общем старая и до боли знакомая. Ковчегом они зовутся потому как их главный мир – это колоссальных размеров корабль-планета, с которой происходит координация вторжений и военной агрессии. А ведь начиналось

у них всё с попыток спасти жизнь от полного исчезновения, ограждая её от внешних опасностей, таких, как например, болезни или голод. Постепенно к этому процессу всё активнее приобщались высокие технологии, и кончилось тем, что была выработана тотальная концепция выживания: все живые организмы (как правило – разумные) подлежат заключению в специальные блоки-скафандры, нейтрализующие любые угрозы извне. Так разошлись они со временем на этом поприще, до того эта концепция стала определяющей, что любые иные подходы к жизни предстали для них враждебным явлением. Теперь вот разодевают без разбора целые народы и племена в эти механические оболочки, предоставляя таким образом «защиту», нуждается ли кто в ней либо нет – без разницы. Естественно, существа, подвергнутые такой «защите» теряют собственную волю, взамен обретая новую – волю Радужного Ковчега.

Григорий Антонович даже немного напрягся, вспоминая детали конфликта с этими лютыми деятелями. Он, ко всему прочему, хорошо теперь помнил и себя; помнил, что он сам, и другие Воители Гнева – величайшие воины во вселенной. Их мощи нет предела, они сами – оружие, а их доспехи почти неуязвимы. Воители Гнева – живые существа, но их сущность записана на имитации специального устройства, внедренной в генетический материал, которая называется личностная матрица. Разрушить матрицу невозможно, потому как она представляет собой нечто нематериальное,

что конкретно – Григорий Антонович почему-то вспомнить не мог. Но он точно знал, что личностная матрица каждого Воителя регулярно, через некие малые промежутки времени, копируется, используя специальный уникальный код. Код личностной матрицы создаёт скопированные элементы, называемые сигнатурами возрождения, на любом носителе. К примеру – матрица может быть скопирована на поверхность ближайшей планеты (тогда там просто останется крохотный непонятный узорчик), на фотосферу звезды, на магнитный полюс, да хоть на реликтовое излучение. Словом, технология универсальная, поэтому определенная часть космоса просто кишит этими сигнатурами возрождения, накопленными за столетия. И потому-то Воителя Гнева уничтожить полностью невозможно. Точнее, возможно, но только в теории.

Воители – невообразимое творение Сияния Звёздной пыли. Можно сказать, именно благодаря созданию этого ордена, Ковчег до сих пор не смог пожрать все их миры. У самого Ковчега таких войск нет. Однако кое-что подобное, они всё-таки сумели сотворить.

Там, на Галосе, на мрачном спутнике мертвой планеты, что была выжжена войной, среди нескончаемых дождей из жидкого метана, сразились тогда Воители с Ангелами Тишины.

Григорий Антонович даже чуть усмехнулся, когда в памяти встали образы этих Ангелов – щупленькие и тонкие,

как их только не сдували ветры тяжелой атмосферы Галоса?! Но на деле они были искусными мастерами уничтожения. Их тщедушные тела покрывала тонюсенькая плёночка (как обёрточный полиэтилен, в который они на рыбалку бутеры заворачивали) непреодолимого силового поля. А мощь этих «доходяг» позволяла им в щепки разносить скалы одним неуловимым движением...

– Оказалось, что правители Радужного Ковчега, – вновь в колодце стал слышен голос Кдахны, – не просто щедро оплатили это предательство, они приняли его, мерзавца, в род властелинов. Вот какова оказалась цена алчности. Теперь его имя недостойно упоминаться среди нас, и зовём мы его – нечестивец.

– Я, кажется, понимаю, как это произошло. Он приказал всем сложить доспехи и оружие, а затем отключить волю, так?

– Истинно так, Могучий Мьорр. Ты прав. Воители Гнева не в силах ослушаться приказа Верховного вождя, каким бы приказ не был. Вот так он и сдал нас всех.

– А дальше? Что Радужный Ковчег сделал с нами? Неужели премии лишил, или выговор, не дай Бог, да с занесением, как недавно Витьку Ерохину вlepили за то, что он прямо на планёрке...

Кдахна вздохнула, поняв, что Мьорр вновь ускользает от нее, оставляя наедине с плешивым логистом, и бросила ему в лицо кусочек пламени, что оторвала от своей руки. Григо-

рий Антонович осёкся, и сразу же перед ним возник пейзаж, который столько раз он наблюдал в своих чумных незапоминающихся снах. Яркое от близких звезд и туманностей розоватое, чужое небо, в центре которого висит гигантская глыба, переливающаяся всеми цветами. Радужный Ковчег, как есть. Колоссальный корабль-дом для целой расы. Григорий Антонович ужаснулся грандиозности увиденного и шмыгнул куда-то вглубь себя, уступив снова место Мьорру.

– Дальше, Могучий, всех выживших в той последней битве Воителей отправили в ссылку, – прервала Кдахна воспоминания Григория Антоновича, – в разные, немыслимо далёкие миры, вроде этого. Как же тебе нелегко, наверное, в этом... теле.

– Не знаю, – сказал Мьорр, трогая лысину. – Моя сущность дремала, а жила только малая часть, что не имеет прямого доступа к памяти. Да и тело, знаешь, не такое уж прям! А вообще, нормальное, кстати, есть и похуже. Вот, видела Толяна из третьего подъезда?! Вот он жирдяй, а я...

– Гриша, завязывай, – снова прервала его Кдахна.

Мьорр вздохнул и опустил глаза. Молчание снова воцарилось на балконе, оба пылающих силуэта вновь беззвучно глядели в застывшее небо и чуть касались друг друга язычками пламени, обмениваясь информацией. Кдахна понимала, что ему тяжело отделять высшую часть своей сущности от другой, не столь высокой, к которой он так прикипел, и которая все эти годы воображала себя единой, целостной личностью.

– О, Могучий, – продолжила Кдахна доверительным, мягким тоном, заглядывая Григорию Антоновичу в глаза, – благодаря тебе они не смогли нас уничтожить, рассеять навечно по бесконечности миров. Ты сумел, хитростью ли, везением ли, собрать коды личностных матриц всех пленных Воителей, и спрятать в себе. Потому нити меж матрицами Воителей и сигнатурами возрождения не достались врагу, а значит – возвращение в наш мир всех воинов ордена возможно прямо сейчас.

– Но как ты сама смогла явиться, Разящая? Как ты сумела освободиться? Почему твоего кода у меня не оказалось?

– Меня, и нескольких других Воителей Гнева под моим командованием, воссоздали вручную из сигнатур возрождения, ведь я и почти все воины моего отряда погибли на Галосе.

– Кто воссоздал?

– Командование Сияния Звездой пыли. Там очень много всего произошло после того, как вас изгнали, всего не перескажешь. Война продолжилась, и, со временем, войскам Сияния удалось установить контроль над многими планетами, отвоевав их у Ковчега. Потому они смогли отыскать сигнатуры павших на Галосе Воителей и воскресить их, без посредства кодов личностных матриц.

– Невероятны и сложны для понимания слова твои, Кдахна. Но пусть будет так. Зачем же ты явилась? Ведь не просто побеседовать.

– Ты нужен нам, Могучий. Нам нужны все Воители Гнева, чтобы победить, наконец, Радужный Ковчег. Мы никогда ещё не были так близки, силы наших армий уже разгромили все полчища их новых боевых машин.

– Машины легиона «Эхо тьмы?» Но они давно уничтожены.

– Нет, они успели наделать других. Но им конец, я говорю. Новых Ангелов Тишины или чего-то подобного им создать не удалось, так что эти боевые машины были предпоследним ресурсом обороны.

– А последний ресурс?

– С последним возникли трудности. Войска Сияния стали сильнее, но в отсутствие Воителей Гнева они бессильны против Слепых Рвением.

– Насколько помню, эти фанатики были разбиты ещё в начале войны. А их поверженные сущности были помещены в энергетический склеп.

– Да, но они не были уничтожены. Их структуры похожи на наши, и нечестивец, да будет он вечно проклят, возродил их из склепа забвения, используя свой код личностной матрицы.

– Это звучит невыносимо. Как ему удалось это сделать?

– Он сумел каким-то образом «нанизать» их матрицы на свою, затем пропустил энергию кода через этот дерьмовый кукан, и они воскресли.

– На кукан? Это как мы с Геннадьичем на рыбалке карасей

куканили что-ли?

– Типа того.

– Так это ж хренота полная! С садком куда проще, да и...

Кдахна сурово поглядела на Григория-Мьорра, тот смутился и стыдливо отвел глаза.

– Извини, – сказал он, почесав лысину. – Ну а как же ты, и другие воскресшие Воители из твоего отряда? Вы пробовали сладить со Слепыми Рвением?

– Конечно, пробовали. Но нас очень мало, и эти – не идут в сравнение с теми, которых тебе доводилось одолевать в схватках, Могучий, эти – много сильнее. Нечестивец, мерзость вечного космоса, постарался.

– Мне всё ясно, Кдахна. Значит, ты хочешь получить хранящиеся во мне коды личностных матриц всех Воителей, разбросанных ссылкой по бесчисленным мирам, чтобы справиться с этими незрячими, и наконец-таки добить Ковчег. Так?

– О, истинно так! Только коды мне нужны еще и для того, чтобы вернуться самой. Я прибыла в виде фантома, и в этом столь далеком и нелепом мире моя мощь Воителя недействительна. На мою отправку сюда затрачено колоссальное количество энергии, вернуться назад без заряда кодов личностных матриц Воителей я просто не смогу. Ну, ты ведь помнишь, коды – это как механизм для считывания энергии со звёзд или квазаров.

Григорий Антонович молчал, хмуро глядя в ноги. Ему ка-

залось странным, что сама Кдахна явилась за кодами, и при этом, её визит по сути – в один конец. Она ведь сказала, что они там побеждают, что прижали Ковчег, что осталось только добить, а сетует на трату энергии...

Кдахна смиренно ожидала ответной реплики Мьорра, глядя на него чуть змеиным взглядом.

– Получается, – поднял глаза Григорий Антонович, – что если я вернусь... то всё это (он кивнул в сторону спальни, где почивали жена с дочерью) меня потеряет. А я потеряю их. Весь мой мир, мой дом...

– Взгляни, Мьорр Могучий, и вспомни, что действительно есть твой дом, – перебила Кдахна и снова, отщипнув от руки кусочек пламени, бросила его в несчастного логиста.

Лицо его вспыхнуло, каждая морщинка отозвалась жуткой болью. Его дом был сожжён. Как и на сотнях других планет Сияния звёздной пыли, вся жизнь на его планете была нейтрализована. Такова была цена этой проклятой войны, этой проклятой победы, которая теперь должна свершиться, когда враг почти добит. Он видел, как миллиарды жизней уходят в вечность под грандиозное вспучивание бесшумного желтого облака, заполняющего поверхность всех материков и океанов, безмерного облака раскаленного вещества, в котором просто и непредвзято смешалось всё недавнее красочное разнообразие живого мира. Автономные боевые модули Радужного Ковчега выжигали планеты одна за другой. Ковчег не желал более завоеваний миров Сияния, найдя слиш-

ком опасной саму возможность держать их в подчинении, и теперь просто, от злобы и ненависти, истреблял всех их жителей.

– Знаешь, Кдахна Разящая, я здесь постоянно испытываю дежавю. Это когда ты наблюдаешь некий феномен, и кажется тебе, что ты это давно уже видел. Не нечто похожее, а вот это самое. И, более того, ты даже немного вроде как предугадываешь проистекание феномена, потому как уже был его свидетелем, и не единожды.

– К чему ты это?

– Я только сейчас, вспомнив своё далёкое прошлое, уразумел, что эти дежавю – отголоски моей памяти, что возникли в процессе перемещения в ссылку. Моя сущность неслась сквозь бесконечные миры, и каждый был своеобразен, но похож на другие. Я протиснулся сквозь многие триллионы световых лет, но в бесконечности не пролетел и миллиметра. Однако в каждом мире, сквозь который меня тащило, был кто-то другой, кто всё это уже видел; видел всё, что когда-либо увижу я.

– Не совсем понимаю, о чём ты, и к чему, – Кдахна нахмурилась и подозрительно прицелилась на Мьорра, – Гриша, ты что, бухой?

– Нет, – смутился он, – почти. То есть, трезвый я. Чего-то вот опять понесло куда-то, эти воспоминания... трудно, пойми.

Кдахна поняла и кивнула.

– Просто я не думаю, что готов отказаться от своего нового мира.

– Что?! Ты... О чём ты говоришь, Мьорр? Твоего НОВОГО мира?!

Кдахна была растеряна и полна негодования, как жадный и балованный ребёнок, которому неожиданно отказали в дорогой игрушке.

– Ты же видел, ЧТО они сделали с твоей... с нашими, чёрт возьми, планетами!

– Видел, – глаза его на мгновение вспыхнули огнём ярости, но тут же этот огонь куда-то пропал. – И что теперь можно сделать? Защищать некого. Воевать – не за что. Да и жить ради кого... там? А здесь...

Григорий-Мьорр замолк на секунду, как бы собираясь с духом. Кдахна безумным взглядом сверлила его, будто не в силах просто верить его словам, и стараясь пронзить его и проверить изнутри – не лжёт ли он, в себе ли вообще.

– Здесь, – продолжил Григорий Антонович, – мне есть ради кого жить. Видела б ты, Кдахна Ильинична, моих детей! Старший уже в армии, здоровый такой вымахал, как лось, а младшенькая – Катюшка – во втором классе. Умница такая, стихи мне читает, Пушкина. Вот скоро день рождения у неё, думаю чего дарить... Как же я всё это оставляю?!

Взгляд Кдахны начал тускнеть уже когда Григорий Антонович безапелляционно прибавил к её имени отчество бухгалтерши, и в голосе его при этом прослеживалась твёрдость.

Но вырисовывающийся уже вполне сумрак обреченности в глазах ночной гостьи вдруг был рассеян искрой надежды.

– Могучий, послушай меня! Я понимаю и принимаю твой выбор, хотя это и непостижимо для меня. Ты так дорожишь этими... детёнышами...

– Дети, – поправил Григорий Антонович.

– Но я прошу не для себя, – продолжала она, обретая уверенность в голосе, – я прошу для жителей всех планет Си-яния, которых ещё не постигла ужасная участь. И прошу я во имя и ради памяти всех, кто погиб от агрессии Ковчег. Мьорр, я прошу о мести! Лютой, безжалостной мести, на которую способны только Воители Гнева!

Григорий Антонович задумался: «И здраво ведь Ильинична меркует. Можно активировать коды личностных матриц, а они ведь и правда все у меня, возродить Воителей с полным вооружением, да при доспехах... С аурой мести мы будем ещё смертоноснее обычного. Да. Потом, значит, коды накачаются энергией солнца, мы переместимся к Ковчегу и раздолбаем его нафиг вместе с этим, чертом-то, Сагутархом, да и слепых не пожалеем. Здорово, вроде, звучит-то. Затем ничего не помешает мне вернуться назад, в этот же момент времени, как-будто и не улетал, в это же тело, в эту же память... Навряд ли я вообще вспомню об этой поездочке. Память Мьорра вновь впадёт в дрему, да и я пойду спать, завтра еще к аттестации готовиться».

Григорий Антонович хотел было раскрыть рот, чтобы от-

ветить положительно, но вдруг пригляделся и заметил на стенке колодца обрывки некой надписи, едва различимой среди зеленоватой слизи. Надпись содержала полное имя Григория Антоновича, после которого следовало оскорбление его чести и достоинства, выраженное в матерной форме и означавшее, что удачи ему в обозримом будущем не видеть. Мрачные мысли начали формироваться из липкой пустоты от этой надписи. «А захочет ли тот, ну второй который, сюда возвращаться? – думалось Григорию Антоновичу. – За каким хреном, скажите, ему *эта* жизнь, когда у него *там* – своя, совсем другая, поди раз в сто круче, без нудной работы, без козла-начальника, аттестаций всяких и вечной проблемы – что выбрать отпуск или ремонт. Что же мне теперь Настю, Лёшку и Катюшку потерять и забыть из-за чужих сраных разборок?!».

– Вот что, Кдахна Ильинична Разящая, отвечу я на твои речи: нет. Не думаю, что в этой мести есть хоть малая целесообразность. Кроме того, ты сама сказала, что Ковчег вы там уже прижали, только с этими, как бишь их, сволочей?

– Слепые Рвением.

– Вот-вот, только со слепыми совладать не можете. Но это, уверен, вопрос времени. Поднатужитесь – и их уделаете, слепые всё-таки. А лично я никуда не полечу. Оно мне надо?

– Но, Могучий...

– Нет, Кдахна, ты не подумай, что я на гниль там давлю, прикрываюсь семьёй и всё такое. Просто я прикинул – хрена

с два я потом обратно вернусь. Сама подумай, что я debil что-ли – продвинутый космический мир променять на вот это всё. Так что – нет!

Кдахна закрыла глаза и как-то совсем по-стариковски, картинно, вздохнула. Вновь диалог прервался молчанием. Звёзды теперь даже с жадностью глядели на две пылающие фигуры, одиноко молчащие на балконе сталинской пятиэтажки посреди застывшего мира, и ждали развязки. Сигаретный дым, застрявший на вылете из оконного проёма, тоже вот-вот сдвинется с мёртвой точки и рассеется в воздухе неряшливой улицы, когда времени позволят вновь обрести ход.

На лице посланницы из далёкого мира всюду освоился лунный свет, и оттого оно выглядело особо печальным. Она заговорила теперь слабым, безнадежным голосом.

– Да, Могучий, может ты и прав. Ничего уже не исправить, для тебя твоя ссылка оказалась подобна окончательной гибели, и зря я прибыла сюда в надежде вернуть тебя к жизни.

Григорий Антонович кивнул, глядя опять в пол.

– Но, раз уж так, и ты останешься, то как на счёт других Воителей Гнева? Ты ведь не вправе решать и за них, пусть ты и был командиром, пусть именно тебе судьба доверила хранить коды их личностных матриц. Ведь ты далеко не всеми из них командовал...

Кдахна вновь прервалась и посмотрела на Мьорра глазами полными отчаяния и мольбы. Её голос не стал громче, но

стал ровнее и твёрже. Григорий Антонович молчал.

– Отдай мне их коды, отдай, а сам оставайся. Когда несколько циклов твоих скоротечных жизней здесь пролетят, ты всё равно вернёшься домой. Мы вернём тебя. Ссылка ведь не бессрочная.

Григорий Антонович вновь задумался. Всё вроде как сходилось – сам не хочешь, пусть другие возвращаются, пусть мстят там, или чего хотят делают. Их ведь не спросили, может и полетят. Неизвестно, к тому же, куда их забросило, и где тянется их забвение – может в таких мирах, что похуже да пострашнее этого. Хотя, это навряд ли. Но почему же коды *всех* ссыльных Воителей оказались именно у него? Неспроста ведь. Ну, Мьорр, чего же ты никак не вспомнишь? Ты ведь был командиром одного, пусть большого, но только одного отряда, а среди прочих Воителей были чины и повыше, почему все коды у тебя?! Вспоминай, сукин сын! Вспоминай, почему ты сейчас не хочешь отдавать их Ильиничне!

Григорию Антоновичу опять сделалось дурно. Пот прошиб его, дышать вязким и жирным воздухом стало тяжело, в глазах встала чёрная муть. И в мути этой появлялись болезненные видения, в которых странные сны его и далёкие воспоминания из другой жизни смешивались в замысловатые живые коллажи. Он видит своих сослуживцев в виде Ангелов Тишины, видит как по мутному и исполненному ядовитых облаков небу плывут огромные караси, сбегаящие с кукана, и как Геннадьич орёт: «Гриша, мать твою за ногу!

«Вся рыба ушла!»; видит как дочь, Катюшка, катается верхом на двуногой боевой машине легиона «Эхо тьмы», хохочет и кричит: «Лошадка, но! Скачи, лошадка!»; видит жену, Настеньку, что в боевом скафандре окучивает грядки, а едва весомая пыль поднимается из-под тяпки и летит к оранжевым, чужим небесам... Всё завертелось вдруг, закружилось вокруг Григория Антоновича, и он опять оказался на дне колодца, и закрыл глаза. Вечность забвения во тьме прервал голос: «Гриша, не верь! Ни единому слову не верь! Какая месть? Тебе в понедельник аттестацию проходить, забыл?».

Григорий Антонович округлил глаза, голос, прозвучавший в голове, показался ему очень знакомым. «Не верь ему, Мьорр! Это говорю тебе я, Кдахна».

«Кому это – ему?! Неужели...», – мысленно отозвался Григорий Антонович новой собеседнице.

«Да, Гриша, да, это Сагутарх явился под моей личиной. Он, собака, хочет воззвать к твоей чести, к твоей ярости, чтобы воссоздать Воителей Гнева и вернуть их под свой контроль».

«Это я понял, – ответил Григорий Антонович, разглядывая поросшую мхом стенку колодца, – И ему они нужны вообще не для борьбы с Ковчегом, так?».

«Красавчик, Григорий! Я не сомневалась в тебе, когда мы ныкали коды перед ссылкой. Не помнишь ни хрена, да? А это ведь я уговорила, чтобы всё поместить в тебя, а ты – давай раздадим, давай раздадим, чтоб хотя бы у пятерых были, а то

мало ли что. Вот видишь – мало ли что чуть и не случилось».

«Ну да. А эта, то есть этот нас не слышит?»

«Не бойсь, мы тоже время на паузу ставить умеем. Только моя пауза совсем недолгая будет, энергии маловато».

«Понял. Ты хоть скажи, что на самом деле творится... *там?*»,

«*Там*, то есть – здесь, всё норм. Ковчегу кирдык, мы его дезинтегрировали до последнего гадского бозона. Нет их больше. А этот, козлина, сбежал. Узнал как-то про то, что коды у тебя (тоже ведь нашлась сука какая-то, сболтнула), и примчался вот ныть, да выпрашивать, якобы для спасения родного мира, или чего там? Для мести? Ну конечно. Думает, с помощью Воителей сможет сам избежать возмездия, хрена ему лысого! Он тебе ещё показывал, небось, что всё сгорело и всех убили. Фигня всё это, планеты все наши целёхоньки, так что не ссы».

«Погоди, Разящая, свет очей моих и огня ярости, что за лексикон у тебя?».

«Дык это у тебя спросить надо, Гриша, ёкарный бабай. Ясен пень, это не твой конкретно лексикончик, но твоего круга общения, и вообще – всей культурной среды, где ты прозябаешь. Мне же, чтобы с тобой нормально общаться, пришлось в башку тебе влезть и изучить всё. Ой, чего там только нет, Григорий, как тебя в дурку ещё не закрыли... Ну да это не важно, язык твой зато я выучила».

«М-да. А Ильинична... ну, то есть этот сказал, что ты по-

гибла на Галосе».

«Я? С хрена ли?! А, ты ж не помнишь ничего. Ну, слушай. Тогда, в том замесе с Ангелами этими, мой отряд накрыло ударом с дальней орбиты. Не успели наши, видать, всех ле-тунов зачистить, вот одна падла нашлась, да жахнула по нам плазменной плетью. Мои ребята как раз на фланге успели всех этих петухов, простите, Ангелов, расщепить, так что задачу, считай, выполнили. Ну а когда нас накрыло, то всё по порядку: коды личностных матриц отправились к ближайшим сигнатурам возрождения и все начали восстанавливаться. Только меня-то не достала плазменная плеть, мне повезло. Покоцало, конечно, нормально так, но не смертельно. И вот в чем штука – плазма, хоть и далековато лязгнула, сожгла нахрен мою броню и подпалила блок управления кодами и волей. Поэтому, когда эта скотина, сразу после победы на Галосе, нас опустил в натуре, я ему не досталась, и по всем понятиям была погибшей вместе с отрядом, находясь в процессе воскрешения. Всем, кстати, нашим, кто погиб тогда и воскрешался, не повезло, Сагутарх послал приказ их сигнатурам возрождения – прекратить себя с концами на корню, так что эти ребята, светлая им память, погибли навсегда. Ну, в общем, как предательство свершилось, как я сообразила – что к чему, сразу рванула к вам, к пленным то бишь. Без палева, ясное дело, а то схватили бы за жопу, да туда же – в ссылку к чёрту на кулички. Мне удалось найти тебя, и мы быстренько замутили охренительный план – заныкать коды

личностных матриц всех Воителей в тебя, чтобы, как придёт время, вас освободить и дать люлей этому уроду. Воля была у всех отключена, поэтому никто и не противился тому, что я у них все коды собрала. Да и ты тоже ватный был, кивал как болванчик на всё, что бы я ни сказала.

«Да, что-то припоминаю. Вот как ты рассказывать начала, так и стало что-то проясняться в голове. А напони, раз уж такое дело, почему именно в меня спрятали коды?»

«Знала, что спросишь, Гришка, падлой буду, знала! А потому именно в тебя, что, если забыл, у такой занудной сволочи, как ты, никакой Сагутарх или прочая любая гнида ни в жизнь ничего не получит. Ты ж дохлого замучаешь – а зачем, а куда, а для какой цели и т.д.

«Теперь точно вспомнил! Как будто вчера было. А сколько времени, кстати, прошло *там*?

«Ой, Гриша, столько не живут. По твоим меркам – лет сорок, по нашим – пара месяцев».

Григорий Антонович чувствовал себя так, как если б с его глаз сняли чёрную повязку, а изо рта вынули кляп. Он мог видеть, мог дышать, говорить, и знал, наконец, кто он вообще такой. Голос боевой подруги (истинной) звучал в его голове как добрая и правильная песня. Он с идиотской радостью вспоминал прежние разговоры с Кдахной, вспомнил сколько раз она прикрывала его в боях, сколько – он её, сколько много им было пережито вместе. Ну, Сагутарх, теперь держись!

«Так чего делать-то будем, подружка?» – спросил он, встав на ноги и присматриваясь за что бы ухватиться в склизкой стенке, чтоб выбраться-таки из колодца.

«Сейчас, Гришенька, всё расскажу. Есть у меня один здоровский план, – Кдахна даже игриво захихикала, предвкушая, видимо, воплощение этого плана в жизнь. – Слушай, короче. Я говорю с тобой напрямую каналу, так что эта беседа бы сейчас и не получилась, если б Сагутарх не тормознул время. Но даже эта болтовня пожирает столько энергии, что мама не горюй. А теперь прикинь, сколько затратил он, чтобы явиться к тебе лично, пускай и «на минималках»»

«Думаю – дохрена», – кряхтел Григорий Антонович, карабкаясь вверх.

«Дохрена и больше. Он, паскуда, когда когти рванул, целый танкер с ячейками сжатой энергии скомуниздил. Походу на это путешествие весь танкер и слил».

«Он что-то говорил, что обратно, мол, без кодов не сможет вернуться».

«Ага. Вот поэтому, когда ты его пробородил, он и начал клянчить хотя бы чужие, типа сам не хочешь – может другие полетят. Ты ж помнишь, как коды энергию звёзд сосут? Не помнишь? Короче, ему б хватило и вернуться самому, и Воителей воскресить. У солнца бы лет сто жизни забрал, подумаешь».

«Слушай, Кдахна, а я ещё вот подумал, – говорил Григорий Антонович, находясь уже на середине колодца, который

был глубже, чем казалось вначале, – зачем они заморочились с этой ссылкой, дорого ведь. А теперь понял – это Сагутарх всё и придумал. Видать подозревал, что Ковчегу всё равно хана рано или поздно, и предусмотрел такой вот запасной вариант.

«Да ну на фиг, Гриша, ты переоцениваешь его. Долго ещё вылезать будешь? Скоро придётся действовать, пауза кончается. Нет, какой там вариант?! Просто уничтожить Воителей полностью, чтоб никакой даже малейшей возможности возродиться у них не было, намного дороже вышло бы, чем вот так их пнуть в хрен знает какие миры. Прикинь, они ж потом, после Галоса ещё зоны подчищали, стирая сигнатуры, пусть и обесточенные, чтоб из погибших перед пленом никто возродиться не успел. Знаешь, сколько подчистили? Миллиарды. А так – отправил в ссылку и не парься, можно сказать – на длительное хранение сдал. К тому же, правители Ковчегга как думали – Верховный вождь теперь за нас, так что когда мы покончим с Сиянием и всё уляжется, мы вернём Воителей, и будут они служить нам или подохнут. Как-то так, Гриша. Так что теперь, когда пауза кончится, ты, вместо того, чтобы отдать ему коды, настрой его на мой гиппер-канал. Мы высосем его из твоего мира сюда, а уж здесь... он за всё, сука, сполна ответит».

Григорию Антоновичу осталось каких-то полметра до поверхности, и он решил чуть перевести дух, руки уже здорово ныли от карабканья по склизким уступам. Помолчав с пол-

минуты, и проведя за это время скоротечную внутреннюю войну, он приготовился сделать финальное усилие и вылезти из колодца, вернувшись к диалогу с самозванцем.

«Хорошо, Кдахна, – сказал он решительно, – Как мне построить его на этот твой канал?».

«Просто отщипи от себя кусочек пламени и брось ему в хайло. Я уже залила в тебя нужные настройки».

Почему-то, вместо того чтобы быстро действовать, Григорий Антонович снова начал медлить, не особо желая бросать что-либо в самозванца. Он, понимал, конечно, что всё равно сделает это, ибо в этом был вопрос жизни и смерти, вопрос возмездия и справедливости, но ему тут же становилось ясно и другое. Когда всё произойдёт и Сагутарха высосет назад в его мир, а Кдахна отключится от канала связи и время обретёт ход, тогда он, тривиальный и плешивый логист средних лет и среднего же достатка, даже ведь не вспомнит о том, кто он на самом деле и откуда явился в этот мир. Останется он для всех Вселенных только Гришей Ждановым, проведшим молодость в скуке, а зрелые годы уныло катя по ржавым рельсам обыденности и цикличного быта. Но это, в сущности, не особо его смущало, не настолько, по крайней мере, чтобы взять да начать переживать, натирая лысину. Сердце его холодила иная мысль – а вдруг он никогда больше не прикоснётся к своему прошлому, к прошлому Мьорра Могучего, командира отряда Воителей Гнева, бессмертного и несокрушимого воина? Вдруг ему, Грише Жданову, более нико-

гда не придётся цепенеть от вида ночного звёздного неба, замирать и млеть от простого созерцания его, поражаясь величием и грандиозностью самой идеи вечного космоса?

«М-да, а как же рыбалка?» – подытожил он скоротечную рефлексию, вспомнив вдруг про заготовленных заранее червей, что хранились уже третий день здесь же, на балконе, в тенёчке. «К чёрту всё! К аттестации подготовлюсь в воскресенье, а завтра с утра – на рыбалку. Эх, Геннадьич, как же ты в шесть-то утра проснёшься, когда позвоню, обрадую?! Ничего, на рыбалку подскочишь». Григорий Антонович даже осклабился, предвкушая завтрашний дикий жор карася, сделал последнее усилие и вылез в очередной раз из колодца.

Пауза закончилась. Мьорр отщипнул от своей груди целый клочок пламени и с ненавистью размазал по лицу Ильиничны, которая от удивления даже вскрикнула и обдала его несвежим дыханием. На мгновение Мьорр разглядел на месте её лица огненный лик нечестивца Сагутарха, преисполненный злобой. Ильинична замахнулась было на Мьорра рукой, но тут же исчезла. Воитель посмотрел на ночное небо и услышал где-то внутри себя голос Кдахны: «Спасибо, Могучий. Да узрят твой гнев сияющие звёзды! Скоро свидимся, друг».

Мьорр чуть улыбнулся и заметил, как кольцо дыма, пущенное Григорием Антоновичем, пришло в движение, рас-

творяясь в ночном воздухе. Пора было идти спать, завтра
ведь на рыбалку.